

Цена 40 коп.

ОРГАНЫ ГОССТРАХА СССР

ЗАКЛЮЧАЮТ ДОГОВОРЫ

СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ

по которым выплачивают страховые суммы
застрахованным лицам и их семьям.

На страхование принимаются с врачебным
освидетельствованием и без освидетельство-
вания лица в возрасте от 16 до 60 лет на раз-
личные сроки и страховые суммы

**ЗАКЛЮЧАЙТЕ ДОГОВОРЫ
СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ!**

За справками об условиях страхования и для
заключения договора обращайтесь в инспек-
цию или к агенту Госстраха.

*Главное Управление
государственного страхования СССР.*

KL 1224550

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 11

1956

Сергей ОРЛОВ

**ЛИРИЧЕСКИЕ
С Т И Х И**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 11

Сергей ОРЛОВ

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1956

Сергей ОРЛОВ

Сергей Сергеевич Орлов родился в 1921 году в селе Мегра, Белозерского района, Вологодской области, в семье сельских учителей. После окончания средней школы в 1940 году поступил на исторический факультет Государственного университета Карело-Финской ССР.

В 1941 году бойцом истребительного батальона С. Орлов ушел на фронт. Во время войны окончил танковое училище. В качестве командира танка, а затем командира взвода тяжелых танков воевал на Волховском и Ленинградском фронтах. В 1944 году был тяжело ранен.

После войны С. Орлов продолжает прерванное учение — сначала в Ленинградском университете имени А. А. Жданова, а затем в Литературном институте имени А. М. Горького, который оканчивает в 1954 году.

Первые стихи С. Орлова появились в 1939 году на страницах «Комсомольской правды» и журнала «Ленинград». В 1946 году вышел первый сборник его стихов «Третья скорость» (Лениздат). За ним последовали книги: «Поход продолжается» («Молодая Гвардия», 1948), «Светлана» («Молодая Гвардия», 1950), «Радуга в степи» (Лениздат, 1952), «Городок» («Советский писатель», 1953), «Стихотворения» (Лениздат, 1954).

С. Орлов награжден орденом Отечественной войны II степени.

Редактор — Н. КРУЖКОВ.

А 00756. Подписано к печати 7/III 1956 г. Тираж 150 000. Изд. № 255.

Заказ № 272 Формат бумаги 70×108¹/₂. 0,5 бум. л. — 1,37 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина
Москва, ул. «Правды», 24.

ЭКЗАМЕН

Выступал я в клубе армейском,
Не бывал я там целый век.
Принимало меня семейство,
Может, в тысячу человек.

«Встать!» — И ветер прошел по залу,
Мне ж хотелось сказать: «Садись!».
Повстречали меня сначала,
Будто гость я, а не танкист.

Будто я не того же братства,
Жженный, стреляный, фронтовой,
И неловко мне было в штатском
Проходить сквозь солдатский строй.

На широкой тесовой сцене
Бархат прошелестел и смолк.
И в какое-то вдруг мгновенье
Я припомнил гвардейский полк.

Будто в прошлое настезь двери
И друзей голоса в ответ:
— Что ж, послушаем и проверим,
Стихотворец ты или нет.

Прочитай, мы примем экзамен...
И читал я им у костра
Под открытыми небесами
Возле Мги стихи до утра.

Снова мне танкисты не верят
И глядят, прищурясь, вослед:

— Что ж, послушаем и проверим,
Ты на деле танкист или нет...

Нужно им доказать стихами,
Что я брал в сорок третьем Мгу,
Что прицелом и рычагами,
Словно рифмой, владеть могу...

Зал откашлялся, смолкнул, замер..
Понял я: лишь спустя семь лет,
Вот сейчас, я держу экзамен:
Стихотворец я или нет.

* * *

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не видавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв
На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не ценя,

Не слушая песенки птицы,
Что встала у солнца, звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
— Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь.
На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу,—
Не поздно пока еще, друг..

Но тут же я вспомнил о том, как
Рвел над землею металл,
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал,
Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила, как чудо,
Когда умолкала гроза,
Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему, как мавзолей, земля —
На миллион веков,
И Млечные пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.

Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

* * *

Руками, огрубевшими от стали,
Писать стихи, сжимая карандаш!
Солдаты спят: они за день устали,
Храпит прокуренный насквозь блиндаж.
Под потолком коптилка замирает,
Трещат в печурке мокрые дрова...
Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова
И задохнется от густого дыма,
От воздуха, которым я дышал,
От ярости ветров неповторимых,
Которые сбивают наповал.

И, не выдавший горя и печали,
Огнем не прокаленный, как кузнец,
Он предкам позавидует едва ли,
Услышав, как в стихах поет свинец,
Как дымом пахнет все стихотворенье,
Как хочется перед атакой жить...
И он простит мне в рифме прегрешенье...
Он этого не сможет не простить.

У СГОРЕВШЕГО ТАНКА

Бронебойным снарядам
Разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная пушка
Глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба...
Почувствуй на миг,
Как огонь полыхал,
Как патроны рвались и снаряды.

Как руками без кожи
Защелку искал командир,
Как механик упал,
Рычаги обнимая,
И радист из «ДТ»
По угрюмому лесу пунктир
Прочертил,
Даже мертвый,
Крючок пулемета сжимая.

На кострах умирали когда-то
Ян Гус и Джордано Бруно,
Богохульную истину
Смертью своей утверждали...
Люк открой и взгляни в эту башню,
Где пусто, черно...
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!

ПЫЛЬ

Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.

Всё по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи!

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы все перенесем с тобой:
Мы люди, а она — стальная...

* * *

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

ОТДЫХ

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кошунственно звенел,
А где-то ухаки еще снаряды
И «мессершмитт» неистово гудел.

Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И просмотрели за неделю сны.

Они пройдут по травам, невесомы,
Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок,
И домик, и, как в песне говорится,
На девичьем окошке огонек,
И взор твой, незабвенный и лукавый,
Взор любящий, на век моей судьбы...

Танкисты спят, как запорожцы, в травы
Закинув шлемы, растрепав чубы...

ПОЛК ОБЕДАЕТ

Встало солнце литое на небосклоне
В полуденной своей самой яркой красе...
Ходят песни повзводно в этот час в гарнизоне,
Их выводят старшины из казарм на шоссе.
В гарнизонной столовой щи в котлах прокипели,
Приготовлена рыжих буханок гора,
Жаром пышут котлеты, жир стекает капелью,
Черпаками орудуют повара.
А за окнами лето, в гимнастерки одето,
По дорогам полсвета прошагало чуть свет.
Пыль взлетает клубами, бьет железо о камень,
Загорелое лето идет на обед.
А к его гимнастеркам травинки прилипли,
Солью тронуты плечи, щеки выдубил зной,
Но к ветрам и дорогам недаром привыкли,
Рубят правофланговые шаг строевой.
Над столами в столовой бачки, словно боги:
До сиянья надраены мелким песком,
Мисок жаркие диски, запах щей на пороге
И дежурный с повязкою перед полком.
Полк столы занимает, шумный, бритоголовый,
По команде пилотки летят на скамью.
Хорошо поработать солдату в столовой,
Поработав до пота в учебном бою!
А за окнами клены в плащ-палатках зеленых
Стали, как часовые. Птичий смолк перещелк.
Солнце над гарнизоном. Небосвод прокаленный,
Тишина на дорогах. Обедает полк.

НОЧЬЮ В КАЗАРМЕ

От полов непросохших, до блеска надраенных,
Холодок поднимается, как от реки.
Ходит с саблей дежурный над снами хозяином.
В пирамиде луна побелила штыки.
Спят, вернувшись с наряда, стрелки, пулеметчики.
Сладок сон им, как дома родимого дым,
Спят, подсунув ладони озябшие под щеки,
На подушках, набитых сенцом молодым.
Подобревшие лица и губы упрямые
Близким отблеском юности озарены.
Есть в нем домик с березкой и старую мамую,
Снятся ночью солдатам гражданские сны.
В этой комнате, если б могли, мы увидели
Реки, горы, долины, дороги в пыли;
Слесарей, трактористов, веселых строителей,
Мирных жителей — добрых хозяев земли.

В ЭТОТ ДЕНЬ

Давно забыты гимнастерки нами.
Мы пашем землю, строим города.
Мы — люди в штатском,
И уже на память
Война приходит реже.
Но когда
Замрут на правом фланге ветераны,
Команда: «Смирно!» —
В тишине дано
Нам с армией припомнить заодно:
Поля, полки, дороги, битвы, страны,
Торжественность великого момента.
Там, на плацу открытом, у древка
Пройдут чеканным шагом ассистенты,
И встанет знамя в голову полка —
Тяжелое, горячее, большое,
Всё в золоте червонном и шелку,
Овеянное жарким ветром боя,
Навеки прикипевшее к древку.

Потом качнутся резко клубы дыма,
И — настезь люки танков, и взревут
Моторы в тишине неповторимой...
Пусть нас иной теперь волнует труд,
Но, услышав глухой дизельмоторный
Издалека до нас дошедший гром,
Мы встанем здесь — механики, башнёры —
И номера полков произнесем!

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Под землю веянье ветров.
Площадь Революции. Метро.

Круглые сияют абажуры.
Бронзовые высятся фигуры.
В бескозырке с Балтики братишка,
С Красной Пресни токарь-ветеран,
Девушка с винтовкою и книжкой,
Хлебороб — сибирский партизан —
Дни и ночи, месяцы и годы
Подпирают каменные своды.

А над ними высоко — Москва.
В скверах пробивается трава.
Светят звезды алые Кремля.
Белым пухом сыплют тополя...
На плечах покоится земля!

НА ВОКЗАЛЕ

Метет на перроне вокзала пороша,
Люди снежок у вагонов толкут...
Вот отправляется парень хороший,
Окончив строительный институт.

Целых полкурса пришло прощаться
Веселых, горластых, дружных парней,

Возле дружка своего толпятся,
А парень думает лишь о ней,
О ней, что вниманья не обращает,
Поближе к вагону не подойдет,
Ждет отправления, видно, скучая,
От нечего делать перчатки мнет.

Стрелки торопятся по циферблату —
До отправления минуток пять...
Нет, чтобы тут вот уйти ребятам,
Другу несмелому не мешать.

А девушка, видно, о том не знает...
Из факультетских девчат она,
Самая бойкая и озорная,
Вдруг присмирела, стоит одна.

Что-то глаза на ветру слезятся,
Руки со злостью перчатки мнут...
Нет, чтоб друзьям отойти догадаться
И отвернуться на пять минут.

Всё, что в душе она год хранила
И не промолвила с глазу на глаз,
Тут бы сказала, не утаила,
Без недомолвок и колких фраз.

Но раздается гудок прощальный,
Зажег паровоз на груди звезду,
Тронулся, двинулся поезд дальний,
Прыгает парень в него на ходу.

Так и не сказано слово это,
Слово единственное на двоих,
Полное радости, счастья, света,
Самое лучшее слово для них.

Только ведь дело, друзья, не в этом,
Вудут дороги и города,
Вечно летящие в зиму и лето,
Встречу сулящие поезда...

СТАНЦИЯ «ВАЛЯ»

Легким именем девичьим «Валя»
Почему-то станцию назвали.

Желтый домик, огород с капустой.
Поезд не стоит и двух минут.
На путях туманно, тихо, пусто...
Где ты, Валя, проживаешь тут?

Подступают к паровозу сосны,
Охраняя станции покой.
Валя, Валя, выйди, как березка,
К семафору, помаша рукой!

Видно, был влюбленным тот путеец,
Инженер, чудака немолодой:
Полустанок в честь тебя затеял
С остановкой краткой путевой.

На минуту... Постоять, влюбиться!
Стукнут рельсы, тронется вагон...
Я хотел бы здесь остановиться
Навсегда у сердца твоего.

У тебя по самый пояс косы,
Отсвет зорь в сияющих глазах...
Валя, Валя, где-то за откосом
Голос твой мне слышится в лесах!

ДЕРГАЧ

Зацвели за Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовет призывно
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей...
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие
Все пешком домой дергач, пешком,
По земному шару, к нам в Россию —
Тонкий, голенастый, хвост торчком...

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь прошел, и сторона лесная
Расступилась, там во всей красе
Встала в небе радуга цветная,
Как ворота на конце шоссе.

В створе расступившегося бора
За воротами — сады, дома,
Белый, красный, золотистый город,
Неба, солнца, красок кутерьма.

Будто зачарованный картиной,
Восхищенных глаз не отводя,
Смотрит пассажир автомашины
Сквозь стекло с веснушками дождя.

Кажется: пока что не открыта,
Там, за радугой, лежит она —
Солнцем залита, дождем промыта —
Необыкновенная страна.

В ЧАЙНОЙ

В новой чайной Дома крестьянина
В дальнем Кичменском городке
Два танкиста-однополчанина
Повстречались накоротке.

Чемоданы... Пальто на вешалку.
— Ты куда? — Ну, а ты как тут?
— Эй, девчата, да вы не мешкайте,
Остановка на пять минут!

Зазвучали в чайной названия
Европейских столиц седых...
Называли себя по званию
Два товарища боевых.

Поименно друзей припомнили,
Не пришедших издадека...
По края стаканы наполнили
За дела своего полка.

А в углу баянист нечаянно
Тронул медные голоса,
И тогда захлестнула чайную
Ветра жаркого полоса.

Было песнею все досказано,
То, что вспомнилось за столом,
Все досказано и доказано
Про Европу, да и про Азию,
И запел баян об ином.

Где-то волны плеснули синие,
Где-то дрогнули ковыли,
Как мотив голосами сильными
Подхватили и понесли.

В песне вынесла струги быстрые
Волга-матушка широка,
Та, что нынче свела у пристани
Двух товарищей из полка.

В ГОРОДСКОМ САДУ

В. Дементьеву

В саду городском в воскресенье
Оркестр на закате гремит,
И ситцевый ветер веселья
По желтым дорожкам летит.
Там вальс в босоножках-обновках
Кружит в короводе огней

Без отдыха, без остановки,
Волшебною силой своей
Сближая сердца безрассудно,
Дыханье смешав на лету,
Забуть заставляет про будни
И верить велит в красоту
Девчонок с Песчаной и Дольной
И в мужество юных парней,
Которые, видно, из школьных
Вчера еще вышли дверей.
Отважны, сильные, постоянны —
Ты их убеждений не тронь!
Готовы девчонки с Песчаной
За ними в метель и в огонь.
А это, пожалуй, и верно,
Ты только поближе взгляни —
Мы были с тобой в сорок первом
Такими, как нынче они,
Когда оборвался внезапно
Наш вальс на тесовом кругу
И в маршевых ротах на запад
Ушли мы навстречу врагу.
Прощаний не помню короче,
Дороги тонули в пыли.
Мы песню про синий платочек
На память с собой унесли
Из этого самого сада,
В котором играет оркестр
Со старой дощатой эстрады,
Где нет на скамеечках мест.

* * *

Сыну Володе

Палочки две и одна закорючина —
Первая буква, — удастся ли стык?
Как это трудно и как не изучено!..
Высунут чуть и прикушен язык.

Пот выступает на носике каплями.
Крепко зажат карандаш в кулаке.
Детство мое вновь выводит каракули
Передо мною на белом листке.

Здравствуй, ну вот мы с тобою и встретились!
Как это вышло – мне трудно понять,
Взрослыми стали давно уж те дети,
С кем я учился буквы писать.

Дымом повито, ветрами исхлестано,
Странами скрыто, любовью, войной,
Верстами, с неба упавшими звездами,
Временем, танковой тяжелой броней...

Встал, не дышу, не спугнуть бы мгновение!
Все узнаю: непокорную прядь,
Сосредоточенность и нетерпение...
Снова мы учимся буквы писать.

ТЫКВА

В жару растенья никнут,
Вегут от солнца в тень.
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.
Лежит рядочком с брюквой,
И, кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.

ГОЛУБЬ

Есть мальчишка в солнечном районе.
Он ничем не знаменит пока,
Только в небо запустил с ладони
Белого, как кипень, голубка.

И глядят прохожие, не дышат,
Позабыв на миг свои дела,
На зеленую, как лето, крышу
В синих волнах вешнего тепла.

Длинный шест над головою гнется,
Тонкий свист летит над городком,
Выше, выше белый голубь вьется
Над мальчишкой в небе голубом.

Виражами ходит, виражами,
Будто весь отлит из серебра.
Даже с дальних улиц горожане
Видят птицу снежного пера.

Видно, что-то им напоминает
Этот голубь, взвившийся в зенит,
А мальчишка этого не знает,—
Запрокинув голову, свистит.

В рубашонке выцветшего ситца,
Озорной, без шапки, босиком...
И летит душа его, как птица,
Над залитым солнцем городком.

Виден голубь в поле трактористу,
Виден и девочкам за леском,
Как звезда-снежинка в небе чистом
Над одноэтажным городком.

ФОТОГРАФ

На углу, на площади базарной,
В домике, где солнце в окна бьет,
Маленький, смешной и популярный
Мастер фотографии живет.

Здесь по воскресеньям утром ранним,
С важностью особой на лице,
В праздничных костюмах горожане
Вытирают ноги на крыльце.

В доме белокаменные горы,
Лодка на волнах, как на пиле,
Конь-огонь — ударь с размаху шпорой
И лети на край земли в седле!

Есть для малышей свисток отличный,
Чтоб на мир глядели малыши
(Вот сейчас вспорхнет навстречу птичка)
И смеялись ото всей души.

Мастер посетителей встречает,
Как гостей, которым очень рад,
Молодых и старых величает,
Полчаса наводит аппарат.

Подойдет, чуть-чуть поправит орден,
Чтоб сидел клиент во всей красе.
Шутит сам: «Снимаю!.. Снял!.. Испортил!..»
Не испортит. Это знают все.

Весь район за стеклами витрины
Показал фотограф неспроста.
Женщины, мальчишки и мужчины,
Как в театре, заняли места.

Вот на старом снимке, как в тумане,
В мичманке парнишка юный встал.
На Великом Тихом океане
Служит нынче грозный адмирал.

Закусив зубами папиросу,
На фанерном скакуне летит
Русый, недозволенно курносый
Из села Ивановки «джигит».

Не пошел «джигит» по части конной,
И, как видно, не пошел не зря:
Знают все большие стадионы
Хватку молодого вратаря.

Рядом с ними (я скажу заранее:
Слава их не очень велика)
Просто рядовые горожане,

Просто из соседних сел крестьяне,
Снятые на фоне городка.

Ну, а чуть повыше на витрине
Семь портретов с Золотой Звездой:
Две звезды заслужены в Берлине,
Пять — в колхозе, на земле родной.

Смотрят, как живые, с фотографий,
Ретушью прикрашены слегка,
Люди незаметных биографий,
Люди всем известных биографий —
Жители родного городка.

В КИНО

В колхозе, в кино, на экране
Кварталы Берлина горят.
Смертельной пулею ранен,
Споткнулся на крыше солдат.

Мальчишки скорбят и тоскуют
У самой стены на полу,
И им бы вот так же, рискуя,
Бросаться в огонь и во мглу;

Взбираться на купол покатый
(Полотнище флага в огне)
И мстить за таджика-солдата,
Как будто за старшего брата,
Который погиб на войне.

Механики и полеводы
В шинелях сидят без погон,
Они вспоминают походы,
А зал в полутьму погружен.

И, как на сошедших с экрана
Лихих легендарных солдат,
Украдкой на ветеранов
Притихшие жены глядят.

Стучит, как кузнечик железный,
Поет в тишине аппарат.
И вот над дымящейся бездной
Встает на рейхстаге солдат.

Взметнулось полотнище флага,
И, словно его водрузил,
Встает инвалид, что рейхстага
Не брал, но медаль «За отвагу»
Еще в сорок первом носил.

Огни зажигаются в школе.
В раскрытые окна плывет
Прохлада широкого поля...
На шумный большак из ворот
Полуторка медленно едет,
Мальчишки за нею бегут,
Кинопередвижку в «Победе»
Давно с нетерпением ждут.

Заката багровые флаги
И дымный туман над рекой...
Герои Берлина и Праги
С экрана уходят домой.

ШУРА КАПАРУЛИНА

Стол предрика в солнечных накрапах,
Тополь отражается в стекле,
И лежит велюровая шляпа,
Как зеленый холмик, на столе.

С лектором из областного центра
Петр Степаныч разговор ведет.
Машинистка в «ундервуд» за стенкой
Деликатнее как можно бьет.

К ней в окно влетает зелень мая,
Стук подков, автомашин гудки,
И влетела с ними золотая
Песня-птица с берега реки.

В двери, не стучась, без промедленья
Машинистка — волосы вразлет:
— Петр Степаныч, я прошу прощенья,
Шура Капарулина поет!

Удивленье гостя замечая,
Ничего не говоря в ответ,
Петр Степаныч радио включает —
И ворвалась песня в кабинет.

Молодой, грудной, щемящий, властный
Голос разом всех зачаровал.
Будто близко пролетело счастье,—
Кто из нас о нем не тосковал?

В девичьей косынке над рекою,—
Все его по-разному зовут...
Песня льется, душу беспокоя,
И молчит за стенкой «ундервуд».

«Но нельзя рябине к дубу перебраться»,—
Шура Капарулина поет...

А немолодому ленинградцу
По районам предстоит скитаться,
И жена уж третий месяц ждет.
Имена певиц перебирая,
Чуть взгрустнув, немножечко устал,
Вот сидит он, недоумевая,
Оперы любитель, театрал.

— Кто ж такая это в самом деле?
У предрика свет из-под бровей:
— Мастерница кружевной артели,
Гордость наша, местный соловей...

Песня то замрет, то с новым жаром
Городок весенний захлестнет,
Над притихшей площадью базарной,
Над рекой у пристани плывет.

В парке, где поют на кленах птицы,
Из окошка радиоузла

Песня льется. Где же ей вместиться
В микрофон-скворечник у стола?

И шофер-парнишка с грузом срочным
Выключил мотор возле ворот,
Он от песни уезжать не хочет...
Тихо! Капарулина поет!

ЖЕРЕБЕНОК

В день ярмарочный на площади
Отстал стригунок от лошади:
Его напугала сутолока
Людей, машин и телег.
Он в страхе на все натывается,
Копытца врозь разъезжаются,
Наверное, кажется глупому:
Останется здесь навек.

Среди помидор раскаленных,
Лука клинков зеленых,
Среди поросячьего визга,
Летящего из корзин,
Среди пиджаков, да жакеток,
Да разных сокровищ лета
Ему не найти дорогу, —
Куда побежишь один?

Но тут, раздвигая в стороны
Всю ярмарку разом, поровну
Бензином и полем пахнувший,
Пофыркивая, напрямик,
Обрызганный, пропыленный,
На шинах с травой зеленой
Через базарную площадь
Двинулся грузовик.

И, видно, уж так случается:
Стоит народ, улыбается,
Идет грузовик, покачиваясь,
А за грузовиком

Бежит жеребенок площадью,
Бежит, как будто за лошадей,
Копытца легко подбрасывая,
Помахивая хвостом.

ПЕСНЯ

Л. П.

Начинается песня эта
На делянке, там, где костер,
В дым кудлатый сверху одетый,
Лапы жаркие распростер.

Он ломает сухие сучья,
Плещет пламенем у виска,
И для песни, пожалуй, лучше
В полночь места не отыскать.

Высоко-высоко и тонко
Тенор песню вывел, — она
Все о том, как жила девчонка...
А за тенором, как со дна, —

Бас, упрямый, тяжелый, низкий,
Поднимается на снегу.
И летят светляками искры,
Пропадая, шипя в кругу.

Бородатые, в полной силе
(Седина легла у виска),
О девчонке вдруг загрузили
И запели два мужика.

И не то, чтобы счастье мимо
Пронеслось у них, стороной,
И не то, чтобы нелюдимы,
Одиноки в стране лесной,

Просто хожено было много,
Этак лет, наверно, с полста,

По тяжелым земным дорогам,
И давалась жизнь неспроста.

Просто были, видать, невзгоды,
Просто трудно было не раз,
Просто вспомнили вдруг про годы,—
Так вот песня и родилась.

Высоко-высоко и тонко
К синим звездам летит она,
Как жила за рекой девчонка,
За рекой, за Шексной, одна.

НА ПРИСТАНИ

Гудком прощальным пароходным
Осенний вечер оглушен,
Отчалят чалки, примут сходни,
И пароход уйдет в затон.

Залепит снегом расписание
Декабрь на пристани опять.
И график встреч, разлук, прощаний
Никто не будет соблюдать.

По льду на розвальнях разлапых
Обозы с сеном поплывут.
Пахнёт щемящий сердце запах,
Как будто лето провезут.

Почудится, что не хозяин
На пристани седой декабрь,
Что вновь встречают, провожают
И смотрят в голубую рябь.

Но снег залепит расписание,
И до июня влоть опять
Никто ни встреч и ни прощаний
Не будет график соблюдать.

СТАРЫЙ БУКСИР

Буксиру не приснится океан,—
В затоне тихом, на приколе вечном,
Стоит видавший виды ветеран,
И ржавчина легла ему на плечи.

Он, пресноводный житель длинных рек,
Весь почернел от копоти и сажи,
В каком году он начинал свой век,
Ему, пожалуй, и не вспомнить даже!

А сколько он провел больших плотов
Да барок с камнем, с кирпичом к причалам!
Из них немалых десять городов
Построить можно было бы, пожалуй.

Мальчишки удят с борта пескарей,
В пустынном трюме бродят по железу,
Он молча спит, ни широтой морей,
Ни далью океанскую не грезя.

Лишь тонким стоном отвечает сталь,
Когда гудят суда на повороте...
Стоит буксир, как бы сама печаль,
Сама тоска железа по работе.

* * *

Опять плывет закат над реками,
Туманы на воду легли,
И пегухи прокукарекали,
Должно быть, на краю земли.

Вновь движется по борту русская,
Просторная моя земля,
Бежит луны дорожка узкая,
Цепляясь за крыло руля.

А коростели, как уключины,
Скрипят, скрипят... Весь край родной

Плывет меж облачными кручами
На веслах в тишине ночной.

С мостом пятипролетным, с башнями
И с гидростроем в три окна
На речке Чалексе, над пашнею,
В дали, звенящей, как струна.

А где-то жаркая гармоника,
Негромко ахнув, понесет
Простую песенку о конниках
До самых северных широт.

И отзовется эхо чистое
На тонкий стук ее подков
Клинками сабель, дымом выстрелов,
Далеким отблеском боев.

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА

У Марьи Гавриловны много хлопот:
Днем никогда она не присядет,
Ночью в любое время встает,
Встречает гостей, достает тетради.

Неловко рукой карандаш берет:
— Фамилия... Имя... Отчество?
И на свободную койку ведет:
Спать ведь сердечному хочется.

! — Тут и ложись, до утра поспи, —
Шепотом льется речь ее.
Хозяин койки где-то в степи,
А утро мудренее вечера.

Ветром дыхания ночь полна,
Душная, напряженная...
Льется из окон на лица луна,
Сном до утра смягченные.

Спят инженеры, и техники спят —
Гостиницы маленькой жители.
Посмотрит, как на своих ребят,
Гавриловна на строителей.

Крайний наказывал в пять поднять —
Надо чайку вскипятить заранее.
Плохо стал экскаватор шагать,
Мается парень с шаганием.

Покоя не знает даже во сне,
На узкой койке ворочаясь.
А ходики тихие на стене
Ночь прошивают строчкою.

Одежду упавшую подобрав,
Уложит, чтобы не морщилась...
Марья Гавриловна — зам и зав,
Директор она и уборщица.

Кто как зовет. А только ее
Мамою звать бы надо:
Помоет полы, постирает белье,
Везде наведет порядок...

Не перечислишь даже всего,
Что она за день сделает.
И словно не делала ничего,
В беседе общей — несмелая.

Такое уж свойство русской души...
Скажешь: — Да как вы одна с заботами?
— Чего уж заботы мои, не смехи,
Вот уж они — работают.

Будто чем виновата сама,
Что гор она не ворочает,
Не строит плотин, не возводит дома,
Лишь по хозяйству хлопочет.

А парни приходят, от пыли седы,
Спецовки долой и ботинки...
От ведер колодезной злой воды
Гремит умывальник цинковый.

Солнцем и степью веет от спин,
Глядит она, горькой любви не тая...
Был до войны у Гавриловны сын,
А теперь — только все сыновья.

ПАМЯТНИК ТАНКИСТАМ В КАЛАЧЕ

Есть могила в Калаче над Доном:
Взорам и ветрам степным открыт,
С пушкой, в степь донскую наведенной,
Танк на каменном холме стоит.

Он прорвался с Волги утром ранним,
И, склоняся у полыньи на льду,
Шлемом зачерпнул воды механик
У России целой на виду.

Круглый люк над башнею откинут,
Открывая купол голубой.
Спит спокойно экипаж машины,
Побратавшись навек меж собой.

А вверху, цементом пропылѣны,
Воздух разрывая на куски,
Днем и ночью с камнем и бетоном
По шоссе летят грузовики.

С подвигом солдат, погибших рядом,
Там, где шлюз тринадцатый, — с утра
Раздают десятники наряды,
Грунт идет в забоях на-гора!

О причалы пеною плеская,
Заливая навсегда пески,
Вот уж в степь идет вода донская
К водам Волги-матушки реки.

Видит танк порталных кранов стрелы,
Башни шлюзов, насыпи плотин,
Жизнь людей, не знающих предела,
Битву суховеев и машин.

Он стоит по собственному праву
В центре дел, над Доном, молчалив,
В дальний год навеки для державы
С Волгой тихий Дон соединив.

* * *

Эту был мне, как сказку, они рассказали —
Все в цветах золотые российские дали.

Белый, белый, красивый, большой, словно город,
Теплоход из столицы на Дон отправляли.
Садоводы — хозяева главные сборов —
Изо всех садоводств собрались на вокзале.

А на палубе — царство созданий зеленых:
Язычками огня пламенеют пионы,
Словно белые звезды, мерцают нарциссы...
Дал гудок капитан, трапы приняла пристань.

За кормою смыкались звенящие воды,
Рудевые сменялись не раз на штурвале.
К теплоходу за взятком весеннего меда
Пчелы, может, с пяти областей вылетали.

Но однажды пришли две малютки-сестрички:
Голубые глаза, золотые косички.
Ветерок с ними вместе притопал попутный,
И в руках у них были цветы — незабудки.

Капитан где глаза, где цветы перепутал,
И не мог капитан не принять незабудок.
Рудевые негромко в тиши напевали,
Берег плыл, волны звонко о берег стучали.

Но явились девчата-колхозницы с пашни,
Озорные, веселые Кати и Маши,
Заявили: — А есть ли у вас тут ромашки? —
Нет ромашек! И хлынули на борт ромашки.

Мне на Волге потом рассказали матросы:
Плыл по Волге цветами усыпанный остров,
Уступали дорогу ему караваны
И махали флажками ему капитаны.

По приволжским лугам, берегам и полянам
В травах буйных по пояс, как дети босые,
Вслед вдогонку бежали за ним неустанно
Все цветы полевые весенней России.

Скоро или не скоро, а только, бесспорно,
Показался вдали удивительный город.

Там от Волги до самого тихого Дона
Поднимается лестница в плитах бетона,
В ней ступени из сплава двух рек величавых,
По которым ходить теплоходам державы.

Словно радуга с неба на землю упала:
Захлестнуло цветастой волной все причалы,
И уж так получилось, ни много, ни мало,
А руками строителей трассу канала
Вся держава цветами в тот день украшала.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Экзамен	3
«Приснилось мне жаркое лето»	4
«Его зарыли в шар земной...»	5
«Руками, огрубевшими от стали...»	6
У сгоревшего танка	6
Пыль	7
После марша	7
«Вот человек — он искалечен...»	8
Отдых	8
Поли обедает	9
Ночью в казарме	10
В этот день	10
Площадь Революции	11
На вокзале	11
Станция «Валя»	13
Дергач	13
После дождя	14
В чайной	14
В городском саду	15
«Палочки две и одна закорючина...»	16
Тыква	17
Голубь	17
Фотограф	18
В кино	20
Щура Капарулина	21
Жеребенок	23
Песня	24
На пристани	25
Старый буксир	26
«Опять плывет закат над реками...»	26
Марья Гавриловна	27
Памятник танкистам в Калаче	29
«Эту быль мне, как сказку, они рассказали...»	30

